

Л. М. Глускина

О СПЕЦИФИКЕ ГРЕЧЕСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО ПОЛИСА В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ЕГО КРИЗИСА

СХОДНЫЕ черты в экономической, социальной и политической структуре раннего Рима, эллинистических полисов и полисов классической Греции привели к тому, что в научной литературе понятие «кризиса полиса» стали в равной мере применять к явлениям, характеризующим упадок, изменения или эволюцию этих структур¹. Наличие во всех из них античной формы земельной собственности, эксплуатации рабского труда, своеобразной организации гражданского коллектива и системы политического управления в известной мере оправдывает сопоставления и аналогии.

Однако на данном уровне наших знаний, когда проблема кризиса полиса далеко еще не разрешена, и требуются исследования ее на большом конкретном и разнообразном материале, беспрестанно пополняемом новыми данными археологии и эпиграфики, представляется более плодотворным выявление не столько лежащих на поверхности черт сходства, сколько различий, коренящихся в специфике каждой из этих структур.

Рассмотрение кризиса греческого полиса, прежде всего на наиболее обширном и доступном исследователю афинском материале, показывает, что трактовка многих его черт по аналогии с историей римской республики, равно как и перенесение греческих явлений и обозначающих их понятий на Рим, приводит к смещению исторической перспективы и затрудняет выявление своеобразия и выяснение сущности происходивших там процессов. Так, на Афины IV в. до н. э. распространяют такие характерные для римской республики (начиная со II в. до н. э.) черты, как массовое обезземеливание крестьянства, концентрация земли, вытеснение свободного труда рабским, рост и сосредоточение в городе люмпенпролетарских элементов, разложение полисной демократии. В какой мере это правомерно?

Бесспорное разорение земледельческого населения Аттики, перераспределение земельной собственности и общий упадок экономики, явившиеся результатом Пелопоннесской войны, нередко абсолютизируются², хотя источники свидетельствуют о том, что уже с 80-х годов IV в.

¹ С. Л. У т ч е н к о, Древний Рим, М., 1969, стр. 17; о н ж е, Кризис и падение римской республики, М., 1965, стр. 5—6; о н ж е, Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики, М., 1952, стр. 7—26; О. В. К у д р я в ц е в, Эллинистические провинции римской империи, М., 1954, стр. 6—15; Е. М. Ш т а е р м а н, Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике, М., 1964, стр. 5—6, 32.

² Ср. Claude M o s s é, La fin de la démocratie athénienne, P., 1962, стр. 133, 146, 147, 232—233, 330—331.

до н. э. наблюдается экономический подъем и оживление в различных отраслях хозяйства³. Именно к этому времени относится расцвет деятельности афинских трапезитов⁴, активизация серебряных разработок в Лаврии⁵, оживление строительной и торговой активности в Пирее⁶.

Несмотря на то, что с конца V в. до н.э. распространяются сделки по купле-продаже земли и различного рода закладные операции, представленные многочисленными *horoí*, исследование этого материала приводят к выводам, что тенденция к обезземелению и концентрации земли в Аттике хотя и существовала, но развивалась медленно и не привела здесь к катастрофическим последствиям⁷. Характерно, что в афинских источниках, которых много для этого периода, нет речи о том, что разорение земледельческого населения сокращает возможность пополнения армии гоплитов. Горькие упреки Демосфена в адрес афинского демоса и призыв самим нести военную службу говорят о нежелании афиняи, а не об объективной невозможности для них нести военную службу⁸. Служба во флоте, столь существенная для афинской военной мощи, разумеется, не требовала имущественного ценза, но речь идет и о гоплитах. Отличие от Рима II в. до н.э. отчетливо выступает, если вспомнить освещение античными авторами аграрной реформы Тиберия Гракха⁹. Требования передела земли (наряду с отменой долгов) были жупелом для верхушки многих греческих полисов в IV—III вв. до н.э. Однако в афинском полисе, где и в период кризиса существовала достаточная свобода волеизъявления демоса, эти требования не выдвигались и не стояли в повестке дня¹⁰.

³ См. Otto Huber, *Die Wirtschaftlichen Verhältnisse Athens vom Ende des Peloponnesischen Krieges bis zum Königsfrieden*, München, 1939; Моссё, ук. соч., стр. 123—124; Кудрявцев, ук. соч., стр. 12; ои же, К вопросу о кризисе полиса, в его кн. «Исследования по истории Балкано-дунайских областей в период римской империи и статьи по общим проблемам древней истории», М., 1957, стр. 361—366.

⁴ См. R. Voget, *Banques et banquiers dans les cités grecques*, Leyde, 1968, стр. 86—88; Л. М. Глускина, О некоторых аспектах кредитно-денежных отношений в Аттике IV в. до н.э., ВДИ, 1970, № 2, стр. 17 слл.

⁵ См. R. J. Horeg, *The Attic Silver Mines in the Fourth Century*, BSA, XLVIII (1953), стр. 200—254; ои же, *The Laurion Mines, a Reconsideration*, BSA, LXIII (1968), стр. 293—326.

⁶ См. Ch. Th. Raagos, *Le Pirée, Athènes*, 1968, стр. 115—118.

⁷ Свидетельства о закладе земли в Аттике подверглись тщательному и всестороннему анализу в блестящей работе Финли (J. M. Finley, *Land and Credit in Ancient Athens*, N. Y., 1952), который решительно выступил против распространенного мнения о концентрации земли в результате ипотечных операций. Однако ипотека не исчерпывает аграрных отношений в Аттике, и связанные с ними проблемы продолжают дискутироваться в научной литературе. Подробная сводка мнений на начало 60-х годов приводится в указанной работе Моссе (стр. 3—67). В советской историографии см. В. Н. Андреев, Вопрос о концентрации земли и обезземелении крестьянства в Аттике IV в. до н.э., Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, ист.-филол. ф-т, 1958, т. 164, стр. 59—88.

⁸ См., например, Dem., I, 6; II, 24, 27, 31; III, 20, 33—34; IV, 7, 16, 19—22, 40, 47; VIII, 21, 23, 46—47, 52—53, 74—75; IX, 70—74; X, 19, 22, 46; XIII, 4—5, 8, 34.

⁹ А р р., В. С., I, 8, 11, 27; Плут., Tib. VIII—IX; ср. Штаерман, ук. соч., стр. 114—115.

¹⁰ Весь сохранившийся материал о государственном вмешательстве в долговые отношения в древней Греции (а попутно и о переделе земли) недавно систематизировал и исследовал Ашери (D. Asheri, *Leggi greche sul problema dei debiti*, «Studi Classici et Orientali», XVIII (1969), стр. 5—122), который показал, что далеко не всегда это было радикальной «революционной» мерой, а зачастую проводилось в умеренной форме в силу тех или иных внутри- или внешнеполитических осложнений. Из 40 приводимых им свидетельств 24 относятся к IV—III вв. до н.э., только два—к V в. до н.э. Примерно такое же соотношение и в свидетельствах о переделе земли (ср. А. Аумард, *Études d'histoire ancienne*, P., 1967, стр. 491).

Данные об Афинах фактически отсутствуют, ибо привлеченные Ашери свидетельства—Dem., XXIV, 39 (353/2 г. до н.э.)—о взыскании денег с государственных долж-

Что касается вытеснения рабским трудом труда свободных, столь характерного для периода кризиса италийской республики¹¹, то относительно сельского хозяйства Аттики об этом можно говорить только с большой осторожностью. Несмотря на скудость наших сведений о роли рабов в аттическом земледелии, наличие некоторого числа рабов в любом, даже небольшом хозяйстве, бесспорно¹². Однако нет никаких оснований утверждать, что в Аттике применение рабского труда в земледелии создавало угрозу труду свободных¹³. Отсутствие условий для создания больших латифундий и даже вилл средней величины типа катоновской¹⁴ приводило к тому, что владения крупных собственников были, как правило, раздроблены и сдавались небольшими участками в аренду беднейшим гражданам, метекам и вольноотпущенникам¹⁵.

Характерно, что при перечне имущества состоятельных афинян рабы, занятые в земледелии, не фигурируют как особая статья, в то время как рабы-ремесленники всегда выделены¹⁶. Если в Италии на положении колонов, когда они были еще вполне свободными арендаторами, сказывалось влияние распространенного в сельском хозяйстве рабского труда¹⁷, то ни в одном афинском источнике нет свидетельства такого рода. Аренда частновладельческой земли, широко распространенная уже с конца V в. до н.э., сохраняет и в период кризиса характер добровольной сделки обеих участвующих в ней сторон. В то время как италийские землевладельцы стремились к долгосрочной аренде (предпочитаются сельские жители, а еще лучше наследственные колоны — Colum., I, 7,3—4), в Аттике частные земельные участки сдаются на один—три года¹⁸. Увеличи-

ников и Andoc., I, 87—88 + Dem., XXIV, 56—57 об отмене решений судов по сделкам в период «30 тиранов» (403 г. до н.э.) не относятся к проблеме отмены долгов и предела земли.)

¹¹ См. Штаерман, ук. соч., стр. 7—8, 67—95, особенно 78, 82—83.

¹² См., например, Lys., I, 11, 13; VII, 16; Xenoph., Oec., IX, 5; XII, 1—3; XIII, 10; XXI, 9; Mem. I, 5, 2; Dem., XLVII, 53; LIII, 6; LV, 31—32; IG, II², 2751; ср. Э. Л. Казакевич, Рабы как форма богатства в Афинах IV в. до н.э., ВДИ, 1958, № 2, стр. 108.

¹³ См. G. Glotz, Le travail dans la Grèce ancienne, P., 1920, стр. 244; Finley, Land and Credit, стр. 73; R. L. Sargent, The Size of Slave Population at Athens during the Fifth and Fourth Century B. C., «Univ. of Illinois Stud. in the Social Sciences», v. XII (1924), 3, стр. 68—85; Mossé, ук. соч., стр. 54, 160—161.

¹⁴ Как показали исследования последних десятилетий, в частности работы М. Е. Сергеевко и В. И. Кузищина, распространение рабского труда в италийском земледелии нет оснований связывать с латифундиями. Крупные земельные собственники во II—I вв. до н.э. владели разбросанными по Италии мелкими виллами. См. Штаерман, ук. соч., стр. 23—26.

¹⁵ См. Л. М. Глускина, Аренда земли в Аттике IV в. до н.э., ВДИ, 1968, № 2, стр. 42—58. К сожалению, в новом учебнике по истории Греции для педагогических институтов (История древнего мира, ч. II, под ред. Ю. С. Крушкел, М., 1971), безапелляционно утверждается (стр. 89—90), что «V в. до н.э. в сельском хозяйстве труд раба стал соперничать с трудом свободных. Мелкий землевладелец, конечно, не мог соперничать с крупным землевладельцем, который обрабатывал землю с помощью рабского труда». Кстати, в этом учебнике экономические и социальные отношения V в. до н.э. (период расцвета) и IV в. до н.э. (период кризиса) рассматриваются вместе, как нечто вполне единообразное.

¹⁶ Особенно отчетливо это выступает в речах Исея, где часто перечисляется состав оспариваемого наследственного имущества. См. Л. М. Глускина, Имущественные отношения и рабство в Аттике IV в. до н.э. по речам Исея, «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», сб. памяти акад. А. И. Тюменева, М.—Л., 1963, стр. 222—238.

¹⁷ Так, например, в агрономическом трактате Колумеллы рассматривается вопрос, где и на каких землях выгоднее использовать рабский труд, где — труд колонов (Colum., I, 7, 1—6).

¹⁸ Lys., VII, 4—11; ср. Глускина, ВДИ, 1968, № 2, стр. 45 сл., 54 сл. Аренда общественных и государственных земель была, напротив, долгосрочной, от десяти лет до наследственной аренды. См. Arist., Ath. Pol. 47, 4; IG, II², 334, 1241, 2492,

вающаяся мобильность земельной собственности и появляющееся отношение к ней как к источнику дохода, равноправному с такими, как доходные дома, процентные ссуды, вложения в предпринимательскую и торговую деятельность, и были основной причиной кратких сроков аренды. Здесь отличие от итальянских условий имеет и экономический и социальный аспекты.

Если обратиться к сфере ремесленного производства, то здесь больше данных о широком применении рабского труда на рудниках, строительстве, в различных отраслях ремесла. Что касается рудников, то преобладание, а на подземных работах и исключительное использование рабского труда ни у кого не вызывает сомнения¹⁹. И в ряде других отраслей ремесла преобладал труд рабов, вольноотпущенников и метеков. Имеющиеся свидетельства, хотя и многочисленные, но разрозненные, не позволяют оперировать статистическими методами. Однако там, где приводятся в силу тех или иных причин профессии упоминаемых лиц, отчетливо выступают некоторые области ремесленного производства, где преимущественно были заняты люди, не принадлежавшие к гражданскому коллективу. К числу таких памятников относятся знаменитая надпись о награждении борцов против «тирании 30» в конце V в. до н.э.²⁰, загадочные в некоторой степени надписи о посвящении вольноотпущенниками серебряных фиал богине Афине²¹ и, наконец, так называемые строительные надписи, относящиеся к концу V в. до н.э. (Эрехфейон)²² и к 20-м годам IV в. до н.э. (Элевсиний)²³.

Из надписей о награждении борцов против тирании и о посвящении фиал Афине видно, что метеки и вольноотпущенники занимались самыми различными видами ремесленной деятельности²⁴ с явным преобладанием профессий, связанных с обработкой кожи (для мужчин) и с обработкой шерсти (для женщин)²⁵. Так как вольноотпущенники в Греции рассматриваемого нами периода, как правило, продолжали заниматься тем делом, которое позволило им выкупиться из рабства, эти данные в известной мере могут быть распространены на афинских рабов IV в. до н.э.²⁶

2493, 2497, 2498, 2504. Сохранившиеся эпиграфические тексты исследованы недавно Берендом (D. B e r e n d, Attische Pachturkunden, Vestigia, Bd. 12, Münch., 1970).

¹⁹ См. S. L a u f f e r, Die Bergwerkssklaven von Laureion, I—II, «Abh. d. Akad. d. Wiss. und Lit. in Mainz», 1955—1956 и рец. — Л. М. Г л у с к и н а, ВДИ, 1959, № 3, стр. 181—191.

²⁰ IG, II², 10; ср. Л. М. Г л у с к и н а, Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э., ВДИ, 1958, № 2, стр. 70—89.

²¹ IG, II², 1553—1578 + D. M. L e w i s, Attic Manumissions, Hesp., XXVIII (1959), стр. 208—238; Hesp., XXX (1961), стр. 247; он же, Dedication of Phialai at Athens, Hesp., XXXVII (1969), стр. 368—380; ср. Л. М. Г л у с к и н а, Вольноотпущенники в экономике Афин IV в. до н. э., «Очерки всеобщей истории», Уч. зап. ЛГУ им. А. И. Герцена, т. 307, Л., 1969, стр. 278—295; он же, Новые данные об афинских манумиссиях IV в. до н. э., XXIII Герценовские чтения. Историч. науки, вып. 2, Л., 1970, стр. 125—127.

²² IG, I², 373—374 + Hesp., II (1933), 3, стр. 377—379, № 9; IV (1935), 2, стр. 161, № 19; VII (1938), 2, стр. 268, № 3; IX (1940), I, стр. 102—104, № 19; AJA, XXXVIII (1934), I, стр. 67—70; II, стр. 249—257; LVII (1953), 3, стр. 199—210.

²³ IG, II², 1672—1674 (329—327 гг. до н. э.). Это счета эпистатов и казначеев, относящиеся к перестройке и ремонту храма Деметры и Керы в Элевсине и храма Элевсиния в Афинах. Часть надписи 1672 переиздана: F. G. M a i e r, Griechische Mauerbauinschriften, I, Heidelberg, 1959, стр. 92—103, № 20. Новые фрагменты опубликованы в 1972 г. в 'Αρχαιολογική Ἐφημερίς, стр. 81—136 (Kevin Clinton).

²⁴ Среди них повара, плотники, столяры, строители, пекари, валяльщики, дубильщики, сапожники, кузнецы, золотых дел мастера и т. д.

²⁵ Из вольноотпущенников-ремесленников, посвятивших фиалы, более 40% мужчин занимаются обработкой и изготовлением изделий из кожи, более 78% женщин — обработкой шерсти.

²⁶ Надписи о посвящении фиал датируются 40 — 20-ми годами IV в. до н. э.

Правда, мы не получаем здесь картины, характерной для применения рабского труда в целом, можно только заключить о тех профессиях, которые создавали, очевидно, наиболее благоприятные предпосылки для выкупа свободы. Характерно, что здесь не представлены те отрасли производства, где труд рабов явно доминировал и предназначался для массового производства на рынок²⁷.

Распространенность и значение рабского труда в афинском ремесле видны и из того, что при определении ценности эргастерия и его доходности учитывалось прежде всего число занятых в нем рабов²⁸.

Даже при отсутствии точных статистических данных правомерно говорить о значительном преобладании рабского труда, вернее труда неграждан, в афинском ремесле. Однако наряду с этим и число граждан, занятых в ремесленном производстве, было значительным²⁹, и не приходится говорить о полном вытеснении их рабами и превращении афиняк в паразитирующую люмпенпролетарскую массу³⁰. Пренебрежительное отношение к физическому труду, отчетливо выступающее у ряда античных авторов³¹, не было всеобщим и отнюдь не характерно для идеологии демократических слоев населения³².

Однако в связи с вопросом о кризисе полиса важно выяснить, существовала ли конкуренция рабского труда с трудом свободных в сфере ремесленных занятий. По этому поводу существуют весьма противоречивые суждения о Греции в целом и Афинах в частности³³.

Что касается Афин, то если бы дело обстояло таким образом, что разорившийся афинский гражданин не мог найти себе работы из-за распространения рабского труда, это обязательно нашло бы отражение в источниках. Между тем, мы не только не имеем подобных свидетельств, но напротив, до нас дошли данные о привлечении в Афины метеков с целью разви-

²⁷ Так, среди этой большой группы вольноотпущенников нет работавших ни на рудниках, ни в гончарных мастерских.

²⁸ См. *Dem.*, XXVII, 18 — после продажи опекунами оратора половины рабов из оставленного ему в наследство эргастерия доход уменьшился с 30 до 15 мин. При закладе эргастерия (особенно в рудничном районе) на *horos* — надписи обычно указывалось число занятых в нем рабов (*IG*, II², 2747—2750; ср. *Finley*, *Land and Credit*, стр. 73, 142—143, №№ 88—90; *Dem.*, XXXVII, 4, 21).

²⁹ Граждане-ремесленники неоднократно упоминаются и в литературных и в эпиграфических памятниках, см., например, *Aristoph.*, *Plut.*, 160 сл. 144 сл., 501 сл., 901 сл.; *Eccles.* 431—432; *Equ.* 737—740; *Lys.*, XXIV, 4; *Xen.*, *Memorab.*, III, 7, 6; *Dem.*, XLV, 71; *IG*, I², 373, сткк. 42, 109—110, 152, 226, 240—248; *IG*, I², 374, сткк. 161—163, 169—174, 177—180, 214—223; *IG*, II², 1673, стк. 55—56.

³⁰ См., например, *G. Thomson*, *Studies in Ancient Greek Society*, II, L., 1955, стр. 204: «афиняне IV в. до н. э. превратились в рантье, живущих за счет нетрудовых доходов и презирающих физический труд как занятие, подходящее лишь для варваров и рабов». Ср. *Mossé*, *ук. соч.*, стр. 166.

³¹ *Plato*, *Rep.* II, 371d — e, 421d, 434a — b; *idem*, *Gorg.* 517e — 518a; *Arist.*, *Polit.* 1260a, 1268a, 1275b, 1278a; *Xen.*, *Apol.* 29—30; *Mem.* IV, 2, 22; *Dem.*, IV, 2—3; *Ath.*, XIII, 611f — 612a; ср. *A. И. Доватур*, *Политика и Полития Аристотеля*, Л., 1965, стр. 33, 63, 65; *A. К. Бергер*, *Политическая мысль древнегреческой демократии*, М., 1966, стр. 94; *Mossé*, *ук. соч.*, стр. 81, 161 сл., 236.

³² См. *Thuc.*, II, 40; *Plut.*, *Arophet. Lac.*, 62, *Moralia*, 236A — C; *Pers.-Xen.*, *Ath. Pol.* I, 40; Ср. рецензию на Всемирную историю, ВДИ, 1957, № 3, стр. 172; *Бергер*, *ук. соч.*, стр. 195; *H. Volkstein*, *Economic Life in Greece's Golden Age*, Leiden, 1958, стр. 72; *A. Zimmern*, *The Greek Commonwealth*, Oxf., 1961, стр. 271.

³³ Так, Губер (*Huber*, *ук. соч.*, стр. 54—55, 88 и прим. 634) утверждает, что немущие или малоимущие граждане не могли найти работы из-за конкуренции рабов и метеков. Сходные суждения высказали еще ранее Глоц, Мичл и др. (см. сводку мнений: *Mossé*, *ук. соч.*, стр. 160—161). Оспаривают это Уэстерман (*W. L. Westerman*, *The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity*, Philadelphia, 1955, стр. 32), Циммерн (*Zimmern*, *ук. соч.*, стр. 262), Джонс (*A. H. M. Jones*, *Slavery in the Ancient World*, в сб. «*Slavery in Classical Antiquity*», Cambr., 1960, стр. 6—7), Моссе и др.

тия там ремесел и торговли³⁴, и работников из других государств Греции при больших строительных работах³⁵. Афинское государство, все решения которого принимались через народное собрание, не могло бы проводить такой политики, если бы она противоречила интересам значительных групп демоса³⁶.

В этом плане очень показательны данные о государственном строительстве Эрехфейона и Элевсиния. Между ними промежуток времени примерно в 70 лет (от конца V в. до 20-х годов IV в. до н. э.). Точно определить количество привлеченных к работам лиц, равно как и их распределение по группам (граждане, метеки, рабы, чужеземцы) невозможно, так как документы (счета ведавших работами лиц) дошли во фрагментарном состоянии. Приводимые в литературе цифры колеблются в зависимости от принятого метода подсчета³⁷, однако общая тенденция выступает достаточно отчетливо, даже при учете относительности получаемых результатов³⁸. Соотношение числа граждан, метеков и рабов, занятых на строительстве, меняется в сторону уменьшения числа первых. В 409 г. до н. э. граждане составляли примерно $\frac{1}{3}$ работавших, в 20-е гг. IV в. до н. э. — около $\frac{1}{4}$ ³⁹. На строительстве Эрехфейона вместе со свободными, как гражданами, так и метеками, работали их рабы, выполнявшие ту же работу и за ту же плату⁴⁰.

³⁴ Ps.-Xen., Ath. Pol. I, 12; Xen., Vect. II; IG, II², 337 (предоставление в 333/32 г. до н. э. права *enktesis* для строительства храма финикийским купцам, со ссылкой на аналогичный дар египтянам).

³⁵ Так, в строительных счетах Элевсиния фигурируют поденные работники из Мегар: IG, II², 1673, сткк. 28—29, 58—60: *οἱ ἐκ Μεγαρῶν μισθοῖσι*.

³⁶ Некоторые исследователи на основании свидетельств о *Κολωνός μισθῖος* (или *ἀγρῖος*), как месте, где собирались люди, желавшие наняться на работу (все сохранившиеся свидетельства собраны Уичерли. The Athenian Agora, v. III, Literary and Epigraphical Testimonia, by R. E. Wycherley, Princeton, 1957, стр. 90—92, 100, №№ 247, 250—251, 290), заключают о существовании в Афинах своеобразной биржи труда, где толпились нуждавшиеся в работе свободные бедняки, и видят в этом доказательство безработицы среди граждан. См. R. S. Young, An Industrial District of Ancient Athens, Hesp., XX (1951), стр. 135 слл.; A. Fuks, *Κολωνός μισθῖος*, «Eranos», XLIX (1951), стр. 171—173; Luffe, ук. соч., стр. 175. Однако здесь вовсе не обязательно подразумеваются граждане. Прежде всего тут, очевидно, собирались метеки, волеотпущенники, рабы, с согласия или направления хозяев, а из афинян разве только те, кого крайняя нужда заставила обратиться к работе по найму у частных лиц (см., например, Dem., LVII, 34—35, 42, 45; Xen., Mem. II, 8, 1—4; Isoc., XIV, 48).

³⁷ Дело в том, что в надписях, фиксирующих произведенные платежи за конкретные выполненные работы, одни и те же лица фигурируют по несколько раз. Если имя работника-метека не сохранилось, а есть только указание дема, к которому он приписан (*οἷς ἐν ἐν...*), то вопрос о том, включать ли его при подсчете, спорен, так как это может быть лицо, уже упоминавшееся в связи с другими платежами. Так, например, Аристон из дема Коллит упоминается в IG, II², 1672, сткк. 10—11 и 187, Мнесилох из того же дема в IG, II², 1673, сткк. 37—38 и 51, Даос из Кидатен — в IG, II², 1672, стр. 46—47 и 134, Гевкр из того же дема — в IG, I², 373, сткк. 216—217; IG, I², 374, сткк. 14—15, 69—70, 216—217, 314 и т. д.

³⁸ Интересны соображения, высказанные Рэндаллом (Jr. R. H. Randall, The Erechtheum Workmen, AJA, LVII (1953), 3, стр. 199—240), что при анализе привлеченной рабочей силы следует учитывать фазу строительных операций — на различных этапах меняется спрос на различные виды работ, что может отразиться на составе работников.

³⁹ Ср. Mossé, ук. соч., стр. 97 слл.; G. Glotz, Le travail dans la Grèce ancienne, стр. 208 слл.; H. Michell, The Economics of Ancient Greece, Camb., 1940, стр. 126; Zimstein, ук. соч., стр. 263—264.

⁴⁰ Так, четыре метека и два раба снимали леса с колонн, получая по драхме в день каждый (IG, I², 374, сткк. 67—74). Метек с рабом в течение 23-х дней выполняли работы по дереву и получили 46 драхм (сткк. 82—94). Группа метеков с рабом одного из них выполняла каменерезные работы (сткк. 194—200). Метеки, граждане и их рабы за каннелирование колонн получили все по 20 драхм (сткк. 223—234); афинянин Фалакр из дема Пэания работает вместе с двумя своими рабами (сткк. 300—304); Лаосс из дема Алопека с двумя рабами выполнили камнетесные работы (сткк. 294—300) и т. д.

Работодателю — Афинскому государству — безразлично было, кто именно выполнял работу. Оплата не зависела от правового положения. Здесь очень важен и социальный аспект — работа бок о бок, в равных условиях людей разного статуса.

Единственное различие между метеками и гражданами в том, что среди первых даже высококвалифицированные мастера (например скульпторы) выполняли, наряду с работой по специальности, оплачивавшейся сдельно, и подсобную работу за поденную плату. Люди такой квалификации не всегда, очевидно, были обеспечены заказами и в отличие от афинских граждан не имели других источников дохода.

Преобладание среди работников неграждан вряд ли можно трактовать, как вытеснение ими полноправных афинян. Поскольку оплата не зависела от статуса работника, должностные лица, ведавшие строительством, не могли отдавать предпочтение рабам или метекам. Очевидно, число граждан, стремившихся к этим работам, было недостаточно велико. Но в этот период (409—407 гг. до н. э.) могла сказаться занятость афинян военной службой. Шла Декелийская война.

Что же мы узнаем из аналогичных документов о строительстве Элевсиния, относящихся к 20-м годам IV в. до н. э. (329—327)? Новым здесь является привлечение государственных рабов и граждан из других греческих полисов — беотян, коринфян, мегарян. Последняя группа выступает в роли поставщиков (болты, ремни, дерево, песок, тростниковые корзины, одежда для государственных рабов) и поденных рабочих. Число граждан, как уже было сказано, относительно меньше, чем на строительстве Эрехфейона, составляя примерно 20—25% общеро числа известных участников строительства. Иначе обстоит дело с привлечением рабского труда. На строительстве Эрехфейона метеки и граждане работали вместе со своими рабами. Теперь этого нет. Рабы частных лиц, если участвуют в работах, то без своих хозяев⁴¹. В таком случае, это, очевидно, рабы, платившие арорнога. Новым, в сравнении с Эрехфейоном, является участие в строительных работах государственных рабов (*δημόσιοι*). Они работали группами под надзором эпистата, получали одежду, обувь и деньги на питание. В одном году их 17, в другом — 28⁴². Некоторые исследователи усматривают здесь претворение в жизнь советов Ксенофонта и отражение эволюции античных экономических концепций⁴³. Однако число привлеченных к работам государственных рабов столь незначительно, что даже и в отдаленной степени не приближается к идее Ксенофонта об использовании большого числа рабов в лаврийских рудниках для пополнения оскудевшей казны. К тому же у Ксенофонта идет речь о сдаче этих рабов в наем частным предпринимателям, что полностью избавило бы государство от забот

⁴¹ Рабами условно можно считать работников, упоминаемых только по имени, без указания дема (например, IG, II², 1672, стр. 48—50 — группа камнерезов). Однако в некоторых случаях, одно и то же лицо иногда называется только по имени, иногда — с указанием дема (например, IG, II², 1672, сткк. 144—145: *Χαρία τῷ ἐπιστάτῳ τῷ θακείῳ ... μισθός* пять драм, и там же, сткк. 49—50: *Χαρία Ἀγροῦλῃ σίκ.*).

⁴² IG, II², 1672, сткк. 4—5, 42—43, 102—105, 117, 121—122, 140—143, 167—168, 190—191, 207, 230; IG, II², 1673, сткк. 24, 45—46.

⁴³ Так, M o s s é, ук. соч., стр. 99—100. Аристотель в «Политике» (1267b 13 слл.), разбирая утопический проект Фалея Халкедонского, по которому, в частности, все ремесленники должны быть государственными рабами, упоминает Диофанта, который намеревался это ввести в Афинах. К сожалению, никакие детали этого явно неосуществившегося проекта нам неизвестны. Ср. А. И. Д о в а т у р, Политика и Полития Аристотеля, М.—Л., 1965, стр. 29—30, 335, прим. 28; St. W a s z y n s k i, De servis Atheniensium publicis, В., 1898, стр. 40.

по их содержанию⁴⁴. На строительстве Элевсиния государственные рабы снабжаются всем необходимым, в счетах фигурируют платежи различным поставщикам, у которых покупались нужные им вещи, кроме того — траты на их питание и на содержание надзирателя. Все это хлопотливое дело, и вряд ли давало большие доходы. Использование на строительстве государственных рабов производит впечатление скорее вынужденной меры, чем продуманного способа извлечения доходов⁴⁵. Использование же наемных работников из Мегары говорит о нехватке людей для строительных работ.

Анализ данных о рабочей силе на государственном строительстве в Афинах показывает, что проблема обеспечения работой беднейших граждан не стояла в повестке дня. В афинских источниках IV в. до н. э. есть какие угодно жалобы, кроме жалоб на невозможность найти работу. Разумеется, афинских авторов интересовали только граждане, а не условия жизни остального населения страны. Если бы афинская беднота заинтересована была в работе, она могла бы добиться оттеснения и метеков и государственных рабов. При равной оплате работодателю-государству был с экономической точки зрения безразличен состав работавших, но материальное обеспечение свободной бедноты было составной частью политики рабовладельческой демократии⁴⁶. Если это не отражено в сохранившихся свидетельствах о государственном строительстве конца V и IV вв. до н. э., то можно полагать, что проблема предоставления работы афинским гражданам не была столь уж острой.

Как известно, одним из существенных признаков античного полиса является исключительность его гражданства, привилегии и гарантии, даваемые только гражданам⁴⁷. В Афинах эта замкнутость и обособленность гражданского коллектива была очень устойчивой и сохранялась на всем протяжении самостоятельного существования⁴⁸. Предоставление права *enktesis* и гражданских прав хотя и распространяется начиная с IV в. до н. э.⁴⁹, но все же не получило массового характера. Каждый раз для этого требовался специальный декрет совета и народа. Разумеется, были злоупотребления, незакононое проникновение в ведшиеся по демам списки граждан⁵⁰. Но все же это были явления исключительного порядка. Увеличение числа вольноотпущенников, характерное для этого периода, не приводило к росту числа граждан, так как бывшие рабы в лучшем случае

⁴⁴ Х е п., *Vest.* IV, 16—23. Правда, наряду с этим, Ксенофонт говорит и о включении в разработки десяти фил, которым государство должно выделить для этого рабов (там же, IV, 29—32), но он явно не настаивает на этом, сделанном мимоходом, предложении. К тому же, имущество фил отнюдь не отождествлялось с государственным, конфликты, связанные с первым, рассматривались как частноправовые. Ср. F i n l e y, *Land and Credit...*, стр. 93; J. H. L i p s i u s, *Das Attische Recht und Rechtsverfahren*, III, Lpz., 1915, стр. 799.

⁴⁵ Существует мнение, что работавшие на строительстве Элевсиния государственные рабы — это постоянный персонал святилища. Когда объем работ увеличился, к ним присоединили еще некоторое число рабов, которые для допуска в святилище должны были пройти инициацию (*μύσησις*). См. K. C l i n t o n, *Inscriptions from Eleusis*, *Ἀρχαιολογικὴ Ἐφημερίς*, 1971 (*Ἀθήνη*, 1972), стр. 81—136.

⁴⁶ См. T h u c., II, 40; P l u t., *Per.* XII.

⁴⁷ Ср. U. E. P a o l i, *Studi di diritto Attico*, Firenze, 1930, стр. 197 слл.

⁴⁸ В римский период, когда афинское гражданство мало что значило, распространилась практика предоставления гражданских прав за плату (*Dio Cass.*, LIV, 7). Это не прекратилось и после вмешательства Августа. Ср. J. D a y, *An Economic History of Athens under Roman domination*, N. Y., 1942, стр. 127, 170—171.

⁴⁹ Весь известный эпиграфический материал об *enktesis* в Афинах собран чешским ученым Печиркой: J a n P e č í r k a, *The Formula for the Grant of enktesis in Attic Inscriptions*, Praha, 1966.

⁵⁰ I s o c r., VIII, 50, 88—89; I s a e., III, 37; A e s c h., I, 99; D e m., XIII, 23—24; A n d., II, 99; A r i s t., *Ath. Pol.* XIII, 5, XXI, 2, 4; *Polit.* 1310b.

приравнивались к метекам⁵¹. Напротив, в римской республике (не говоря уже об империи) замкнутость гражданского коллектива никогда так не соблюдалась. Как известно, римский вольноотпущенник становился римским гражданином, пусть с известными ограничениями в правах⁵². В Риме исключительность гражданских прав была выражена значительно слабее, чем в Греции⁵³, что, возможно, связано с процессом формирования гражданской общины из слияния патрициев и плебеев. Предоставление прав римского гражданства некоторым общинам Италии в процессе и результате ее завоевания вполне укладывалось в рамки римской политической структуры. Распространение гражданских прав на италиков после союзнической войны было логическим продолжением этой политики, хотя имело, разумеется, далеко идущие социальные и политические последствия. В применении к афинскому полису такое расширение состава граждан было бы немыслимо. Групповое дарование гражданских прав было возможно только для тех, кто постоянно жил в Афинах или оказался там в качестве политических изгнанных⁵⁴. Да и смысла не было получать афинское гражданство, живя вдали от Афин⁵⁵. Иное дело — быть римским гражданином, живя как в Италии, так и в какой-либо римской провинции. Римское гражданство было более гибким, чем греческое, оно перемещалось вместе с его носителем — *civis Romanus* — и не так связано было с территорией. Рим давал права за различные услуги, порой даже навязывал их в политических целях⁵⁶. В Афинах не утвердили дарование гражданских прав оратору Лисию, который оказал неоценимые услуги в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н. э.⁵⁷ Таким образом, и в таком важном элементе полисной организации, как структура гражданской общины, имеются значительные отличия в развитии Рима и классического полиса Греции.

При сопоставлении кризисных явлений в римской республике и Греции, необходимо учитывать, что кризис республики начался и углублялся на фоне бесперывных завоевательных войн, расширения римских владений, притока рабов, военной добычи и поставок провинций в Рим и Италию. Античные авторы, пытавшиеся осмыслить причины постигшего республику кризиса, связывали его прежде всего с военными успехами и при-

⁵¹ В эпиграфических памятниках вольноотпущенники обозначаются так же, как метеки «*οὐκὼν ἐν* таком-то деме». Однако, судя по литературным источникам, их положение в ряде аспектов отличалось от положения свободнорожденных метеков. Этот вопрос недостаточно исследован.

⁵² См. Ш т а е р м а н, *Расцвет рабовладельческих отношений...*, стр. 137—159; S. T r e g g i a r i, *Roman Freedmen during the Late Republic*, Oxf., 1969, стр. 37 слл.

⁵³ Ср. В. С е с т о н, *Римское гражданство*. Доклад на XIII Межд. конгрессе историч. наук, М., 1970; С. Л. У т ч е н к о, *Кризис и падение римской республики*, стр. 111—112, 198—223; о н ж е, Цицерон и его время, М., 1972, стр. 74—76.

⁵⁴ См., например, IG, I², 68a + Hesp., XIV (1945), стр. 106 слл., № 9 (права беотийским изгнанникам); D i o d., XV, 46 (права платейцам); A t h e n., XV, 16—20 (права трезенским изгнанникам). В ряде случаев гражданские права давались только отдельным лицам из группы изгнанных, остальным — различные льготы (ателья, исотелия, право *enktesis*). См., например, IG, II², 545 + A. W i l h e l m, *Vier Beschüsse der Athener*, Abh. d. Preuss. Akad. d. Wiss. Phil.-hist. Kl., 1939, № 22, B., 1940, стр. 17—19; Syll.³, 175, 259.

⁵⁵ Такие права давались обычно правителям государств, с которыми Афины поддерживали или хотели наладить дружественные отношения, и имели значение чисто политического или дипломатического акта. Этому удостоились царь пэонов Авдолеонт (IG, II², 654—289/8 г. до н. э.), царь Эпира Арриба (Syll.³, 228—343/2 г. до н. э.), Евагор, правитель Саламина на Кипре (IG, I², 113—410 г. до н. э.), Дионисий Сиракузский (Syll.³, 159—369/8 г. до н. э.), правитель одрисов Котис (D e m., XXIII, 118), правители боспорского царства (IG, II², 212, 653) и др.

⁵⁶ Ср. У т ч е н к о, *Кризис...*, стр. 208, 219—220; о н ж е, *Древний Рим*, М., 1969, стр. 250; Н. А. М а ш к и н, *Принципат Августа*, М. — Л., 1949, стр. 500—506.

⁵⁷ P l u t., *X Orat. Vit.* III, 8—9, *Moralia*, 835C — F.

током богатств в Рим⁵⁸. Развитие кризиса греческих полисов происходит в обстановке их прогрессирующего военного ослабления, распада создаваемых союзов и усиливающейся неспособности сопротивляться натиску извне. Кризис классического афинского полиса связан с невозможностью для него расширять внешнюю экспансию. Кризис Рима-полиса вырастает из его военных успехов. Могут ли получаться сходные результаты из прямо противоположных посылок?

Отражение переживавшегося римской республикой и Афинами кризиса в идеологии также свидетельствует, наряду с чертами сходства, и о существенных различиях. И тут и там появляются попытки теоретически осмыслить происходящее и наметить пути выхода из кризиса (Саллюстий, Цицерон в Риме, Платон, Аристотель, Исократ в Греции). Но если в Риме общественно-политическая мысль в период кризиса республики направлена целиком на укрепление государства, его мощи и значения⁵⁹, то в Греции, одновременно с такими поисками, распространяется идеология отрицания уз, налагаемых государством, полисной ограниченности, регламентации жизни граждан (софисты, особенно Антифонт, киники, киренаики)⁶⁰.

Римская республика и в период кризиса росла вширь, за счет новых завоеваний, перед ней была перспектива не только сохранения, но и укрепления государства путем смены политических форм. Классический греческий полис такой перспективы был лишен, и кризис его приводит к появлению антиполисной, что в то время было равнозначно антигосударственной (анархической) идеологии.

Отсутствие перспективы для классического греческого полиса коренилось в том, что, в отличие от Рима и эллинистических полисов, здесь не было достаточно устойчивых источников государственных доходов. У афинского государства был какой-то земельный фонд, ему принадлежали недра земли, дороги, священные угодья. Невозможно определить абсолютные и относительные (в сравнении с частными и общинными землями) размеры этих владений. Однако существенно то, что никогда не было создано налаженного государственного хозяйства, способного обеспечить надежными доходами казну. Насколько удается определить из мимолетных и косвенных свидетельств источников, доходы с этих угодий, которые обычно группировались вокруг святилищ, шли на организацию жертвоприношений, празднеств, содержание в порядке строевой. Земли эти сдавались в аренду афинским гражданам обычно на 10 лет⁶¹.

Земли фил, демов, фратрий и других сообществ, тоже сдававшиеся в аренду, обеспечивали финансовые потребности этих ассоциаций и не являлись источником пополнения государственной казны⁶². В Афинах

⁵⁸ S a l l., Cat. 10—12; Jug. 41. Ср. У т ч е н к о, Древний Рим, стр. 245 сл.; о н ж е, Цицерон..., стр. 106, 108.

⁵⁹ Не случайно наибольшим влиянием среди римских мыслителей пользовались идеи греческой стои, которая, хотя и выдвигала идеал самодовлеющего мудреца, но не отвергала участия в общественной и государственной жизни.

⁶⁰ Ср. С. Я. Л у р ь е, Антифонт, М., 1925; о н ж е, Предтечи анархизма в древнем мире, М., 1926; о н ж е, Очерки по истории античной науки, М. — Л., 1947, стр. 291—295, 323—325.

⁶¹ См. A r i s t., Ath. Pol. 47,3—4; ср. G. B u s o l t — H. S w o b o d a, Griechische Staatskunde, I—II, München, 1920—1926, стр. 604—605, 1224; U. v. K a h r s t e d t, Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen, Stuttg.—B., 1934, стр. 42—51; В. Н. А н д р е в, Аттическое общественное землевладение V—III в. до н. э., ВДИ, 1967, № 2, стр. 48—76; В e h r e n d, Attische Pachturkunden, стр. 55—72.

⁶² Афинское государство не диктовало формы использования общественных земель. Демы, фратрии и культовые группы сами вырабатывали для себя правила сдачи в аренду, См., например, IG, II², 1176, 1241, 2492—2493, 2496—2499, 2501; H. W. P l e-

общественные земли не совпадали с государственными и здесь отношения не могли развиваться так, как это было в Риме с *ager publicus*.

Доходы афинского государства от лаврийских серебряных рудников также были ограничены. Как показал анализ опубликованных в 50-е и 60-е годы стел полетов⁶³, государству в рудничном районе принадлежали лишь недра земли, в то время как на поверхности располагались владения афинян. От сдачи рудников в разработку казна получала суммы, колебавшиеся в разные периоды в зависимости от предпринимательской активности, в общем, насколько можно судить, небольшие и, очевидно, какую-то часть добывавшегося серебра для нужд монетного двора. Основную выгоду от эксплуатации лаврийских рудников извлекали бравшие их в разработку афинские граждане, владельцы рабов, сдававшие их в наем для работы на рудниках, землевладельцы в рудничном районе, имевшие там плавильные печи, эргастерии по обработке руды, цистерны и др.⁶⁴

Весьма показательны, что рекомендации Ксенофонта в «Доходах» (*Vect. IV*) относительно лаврийских рудников касаются прежде всего приобретения государством рабов, которые будут сдаваться внаймы рудничным предпринимателям. Речь идет об использовании распространенного опыта афинских рабовладельцев — извлекать доходы от своих рабов без всякого риска и участия в самом производственном процессе. Совет о привлечении к разработкам десяти фил лишь с некоторой натяжкой можно рассматривать как попытку организовать государственное предприятие. К тому же он сделан мимоходом, и автор явно не придавал этому такого значения, как рекомендации о рабах.

В отличие от Рима и эллинистических полисов Афины не имели такого источника пополнения казны, как постоянные прямые налоги. Подушная подать с метеков давала немного, хотя и взималась с неукоснительной строгостью⁶⁵. Граждане в мирное время прямых налогов не платили. Взимавшаяся на военные нужды эйсфора, требовавшая каждый раз специального декрета совета и народа, отнюдь не покрывала военных расходов, будучи при этом источником недовольства налогоплательщиков и поводом для распрей среди входивших в симмории различных групп⁶⁶. Существующее в литературе представление об эйсфоре как большом бремени для состоятельных афинян и одной из причин ослабления их патриотизма не подтверждается анализом имеющихся свидетельств⁶⁷.

k e t, Epigraphica, I, №№ 41, 43; Hesp., VII (1938), 1, стр. 1 слл., №№ 1—2; Hesp., XXIX (1960), стр. 21, № 27. Что касается фил, то и они, очевидно, имели свои правила (см. IG, II², 1165, 1168, 2490). Во всяком случае, их имущество, в отличие от государственного, входило в сферу частного права. Об этом отчетливо свидетельствует конфликт, которому посвящена речь Гиперида в защиту Евксениппа (ср. SEG, III, 117). Ср. F i l l e y, Land and Credit..., стр. 93, 291.

⁶³ Hesp., X (1941), 1, стр. 14, № 1; XIX (1950), стр. 189—312; XXVI (1957), 1, стр. 1—23; ср. R. J. H o r r e r, The Attic Silver Miner in the Fourth Century, BSA, XLVIII (1953), стр. 200—254; он же, The Laurion Mines, BSA, LXIII (1968), стр. 293—326.

⁶⁴ Ср. Л. М. Г л у с к и н а, Лаврийские серебряные рудники в экономике Афин IV в. до н. э., «Очерки всеобщей истории», Уч. зап. ЛГУ им. А. И. Герцена, т. 307, Л., 1969, стр. 296—309.

⁶⁵ D e m., XX, 130; XXV, 57; X e n., Vect. II, 1—2; P l u t., X Orat. Vit. VII, 16; H a r p., s. v. *μετοίκιον*. Ср. U. v. W i l a m o w i t z, Demotika der attischen Metroeken, «Hermes», XXII (1887), стр. 223; H u b e r, ук. соч., стр. 40; P. G e r h a r d t, Die attische Metroikie im vierten Jahrhundert, Königsberg, 1933, стр. 24—31; B u s o l t—S w o b o d a, Griechische Staatskunde, стр. 295, 299, 986.

⁶⁶ См. Л. М. Г л у с к и н а, Эйсфора в Афинах IV в. до н. э., ВДИ, 1961, № 2, стр. 23—38; R. T h o m s e n, Eisphora, Kobenhavn, 1964 и рец.: Л. М. Г л у с к и н а, ВДИ, 1967, № 2, стр. 257—265.

⁶⁷ Так, Ляуффер (S. L a u f f e r, Zur Finanzpolitik der athenischen Demokratie, «Festgabe für Dr. Walter Will», Köln, 1966, стр. 115—120), который справедливо под-

Как известно, в Афинах IV в. учащаются случаи конфискации имущества в результате судебных приговоров⁶⁸. Несколько преувеличенной представляется трактовка роли этих конфискации как средства пополнения казны и покрытия государственных расходов. Нередко конфискации рассматриваются как орудие определенной социальной политики, направленной на сглаживание противоречий внутри коллектива афинских граждан и на нивелирование имущественного положения различных его групп⁶⁹. Это основано на некоторых высказываниях афинских ораторов о тенденциозности судей в процессах, грозивших обвиняемому конфискацией имущества⁷⁰. Однако имеются прямо противоположные свидетельства, что судьи не поддавались уговорам сикофантов и что государство в конечном счете мало получало после конфискации⁷¹. Конфискованное имущество продавалось с аукциона, и естественно, что при этом происходило некоторое перераспределение собственности, конфискованное имущество переходило в руки новых владельцев. Социальный состав покупателей продаваемого с торгов конфискованного имущества не поддается точному определению, он, очевидно, был весьма неоднородным⁷².

Что касается выгод государства, то обращает на себя внимание, что в первую очередь при конфискации учитывались не его интересы, а интересы частных лиц, имевших материальные претензии к пострадавшему, даже членов его семьи⁷³. Любой афинянин мог предъявить свои претензии, и если они признавались справедливыми, он получал соответствующую долю вырученной при продаже суммы. Так, например, в одном случае при продаже конфискованного имущества из вырученных 680 драхм государству достались $13\frac{1}{3}$, в другом — из 575 драхм — 271⁷⁴. Наряду с частными лицами, удовлетворялись претензии и коллективов-оргеонов, фратрий и др. Когда затрагивались материальные интересы граждан, задача пополнения казны отступала на второй план. Здесь проявлялась одна из характерных черт афинской политической и экономической системы, присущая в известной мере и другим греческим полисам с демократическим строем.

Важным источником доходов афинского государства были торговые пошлины. Проводившаяся в IV в. до н. э. политика поощрения внешней торговли дала, разумеется, некоторые результаты, но недостаточность их видна из другого раздела тех же «Доходов» Ксенофонта, который рекомендует строить государственные торговые суда и сдавать их купцам, как это делают частные судовладельцы (Vect. III). Как и в сфере эксплуатации рудников, государство призывается идти на выучку к частным лицам⁷⁵.

черкивает связь между упадком Афин и финансовыми трудностями, преувеличивает при этом бремя, возлагавшееся афинской демократией на состоятельных граждан. Аналогичные суждения высказал в свое время и Андреаде (A. Andreades, Geschichte der griechischen Staatswirtschaft, I, München, 1931, стр. 381—387).

⁶⁸ См. IG, II², 1579—1581, 1593; SEG, XII, 87; Hesp., V (1936), 3, стр. 398 слл., № 10; VII (1938), 1, стр. 107, № 18; X (1941), 1, стр. 14 слл., № 1; XXX (1961), 3, стр. 242—244, №№ 38—40; XXXII (1963), 1, стр. 30, № 28; L y s., XVII, 4; XVIII, 14; XIX, 31; D e m., XXI, 43; XXIV, 50; XXVII, 65; XL, 20—22; XLIX, 10, 45; LIII, 2, 14—15; LVIII, 1; LIX, 6, 52; I s o c r., XVI, 46; I s a e., III, 62.

⁶⁹ Ср. H u b e r, ук. соч., стр. 65—67; M o s s é, ук. соч., стр. 52 сл.; F i n l e y, ук. соч., стр. 91 сл.

⁷⁰ См., например, L y s., XVIII, 17; XIX, 11, 59; XXVII, 1; XXX, 22; D e m., XLIX, 10; LIII, 2; LIX, 6; I s o c r., III, 32; VIII, 130—131.

⁷¹ См. H u r e r, Pro Euxenipp., 33—37; L y s., XVIII, 17—20; XIX, 31.

⁷² Мнение о том, что покупателями продаваемого с торгов имущества были, как правило, богатые афиняне (см., например, M o s s é, ук. соч., стр. 52) не подтверждается анализом эпиграфических свидетельств. Ср. В. Н. А н д р е е в, Вопрос о концентрации земли..., стр. 79—81.

⁷³ См. L y s., XIX, 29; D e m., XXVII, 65.

⁷⁴ См. Hesp., V (1936), 3, стр. 401—402, 413, № 10; X (1941), стр. 14—27, № 1.

⁷⁵ Ср. A. A y m a r d, Les cités grecques a l'époque classique, leur institutions politiques et judiciaires, Bruxelles, 1955, стр. 295.

Проблема государственных финансов в условиях кризиса классического полиса оказывается неразрешимой. Афинское государство не имело возможности найти источники пополнения казны ни за счет организации государственного хозяйства, ни за счет налогов со своего населения⁷⁶. Греческий классический полис не имел хоры и зависимого от города сельского населения, постоянная эксплуатация которого пополняла бы полисные ресурсы.

Но главная беда классического греческого полиса была в том, что он перестал быть условием *sine qua non* существования различных слоев своего гражданского коллектива. Исключительность полиса преодолевалась гражданами, искавшими средств к жизни в службе наемниками на чужбине, и богатыми дельцами, имевшими прочные связи в заморских странах. Она отвергалась мыслителями, понявшими ограниченность кругозора, замкнутого рамками полиса, и тягостность требований, предъявлявшихся государством к индивиду.

Попытки преодоления кризиса путем внешней экспансии, которая могла бы укрепить финансы и престиж государства, приводили к обратным результатам. Военная служба и траты на войну вызывали недовольство как бедноты, так и имущих граждан⁷⁷, а отсутствие необходимых ресурсов, при необходимости содержать наемную армию, вынуждало афинских стратегов тратить свои состояния, даже впадая в неоплатные долги⁷⁸, или прибегать к поборам и реквизициям у союзников, к неспровоцированным грабительским походам, что могло дать лишь временный выход, но имело затем самые плачевные последствия⁷⁹.

В период углубляющегося кризиса классического полиса экономическое развитие не только не было приостановлено, но, как было уже сказано, наблюдался подъем в земледелии, ремесле⁸⁰, торговле, уровне кредитно-денежных отношений. На это время падает расцвет деятельности «банкиров» древнего мира — траpezитов, оживляются и становятся более устойчивыми связи между различными областями Средиземноморья. Общая сумма народного достояния и доходов не уменьшается. Установленная в Афинах в начале IV в. до н. э. при оценке имущества, подлежащего взысканию эйсфоры, цифра в 6000 талантов сохраняется при исчислении налога на всем протяжении IV в.⁸¹ При всей мобильности земельной собственности наблюдается известная устойчивость наследственных земельных владений⁸². Большие состояния в виде земель, денег, квалифицированных ра-

⁷⁶ Увеличение доходов казны в результате деятельности Евбула, затем Ликурга (Plut. X Orat. Vit., VII, 3—6; Moralia 841B — 843 F; Aesch. II, 184; III, 25; Dem., XVIII, 162; IG, II², 333—334; Dioid., XVI, 188; Justin., VI, 9, 1—5) имело временный переходящий характер, финансовые трудности — лейтмотив афинской истории IV в. до н. э. См., например, Lus., XIX, 50; Dem., X, 37; XX, passim; XXXIX, 17; XLV, 4; LIX, 3; Isocr., VII, 9, 29—30; VIII, 69; XXII, 48; XXIV, 160.

⁷⁷ См., например, Dem., II, 24—27, 31; III, 30, 34; IV, 7; VIII, 21; IX, 73—75; X, 39, 45—46; Isocr., VIII, 44, 128.

⁷⁸ См., например, Dem., II, 28; IV, 24, 46; XLIX, passim; [Arist.] Oec. II, 23; Xen., Hell. VI, 2, 37.

⁷⁹ См. Dioid., XIII, 6; Isocr., VIII, 19, 46, 125; Dem., IV, 24.

⁸⁰ В IV в. до н. э. некоторые отрасли ремесла, например керамическое, сокращаются в связи с развитием на периферии местного производства. Но добыча и обработка металлов, изготовление текстильных изделий и другие виды ремесел продолжают развиваться. Ср. Mossé, ук. соч., стр. 72 слл.

⁸¹ См. Dem., XIV, 19, 27; Philochor., fr. 46; FGH, III, № 328; Harpocr., s. v. τάλαντα; Polub., II, 62.

⁸² Это отчетливо выступает в речах Исея, посвященных искам о наследствах. Недвижимое имущество остается во владении членов той же семьи в течение нескольких поколений и рассматривается как устойчивая величина.

бов, доходных домов представлены достаточным числом лиц⁸³. Имена предпринимателей и владельцев земли и эргастериев в районе Лаврия свидетельствуют о преемственности в ряде афинских семей этих доходных капиталовложений и занятий. Некоторые из лаврийских предпринимателей были очень богаты, так как привлекались к дорогостоящей триерархии⁸⁴.

Процентные ссуды, которые фигурируют в перечне состояния едва ли не каждого имущего афинянина в IV в. до н. э., также говорят о накоплении и продуктивном использовании денежных средств их владельцами⁸⁵.

Кризис греческого полиса не сопровождался экономическим упадком и ослаблением интенсивности хозяйственной жизни. И общая сумма богатств и число состоятельных граждан не были меньше, чем в период расцвета. Число бедных граждан было, очевидно, большим, чем в V в. до н. э., но сохранившаяся в Афинах демократическая система позволила несколько сглаживать противоречия внутри гражданского коллектива, и здесь дело не доходило до насилий и кровопролитий.

Полисы эллинистического Востока, как старые греческие центры, включенные в состав эллинистических монархий, так и вновь созданные в период эллинизма, развивались по иному пути, чем полисы типа афинского. С самого начала они столкнулись с издавна существовавшими на Переднем Востоке формами эксплуатации и организации местного населения. Противоположность между привилегированным городским и эксплуатируемым в тех или иных формах сельским населением была характерной для их экономики и социальной структуры. Даже размывание гражданского коллектива и ослабление внутренних полисных связей происходило при сохранении этого водораздела. Эксплуатация хоры и систематические налоговые поступления в полисную казну в известной мере смягчали остроту противоречий между государственными и частными интересами. Заинтересованность граждан в эксплуатации хоры привязывала их к политической организации города, который к тому же обладал возможностями распределения в случае необходимости общественных земель своим гражданам⁸⁶. В эллинистических полисах не было преобладания экономических частных интересов над государственными, полисная организация благодаря большим материальным ресурсам была в состоянии подчинять и контролировать гражданское население⁸⁷.

Если в классических полисах Греции водораздел проходил между гражданами и негражданами, жившими (а порой и работавшими) бок о бок, то в эллинистических полисах дополнительно к этому гражданское и не имевшее прав население были разграничены и территориально. В эллинистических полисах в большей мере, чем в классических, ослабляется связь между правом владеть землей и принадлежностью к гражданскому коллективу, что связано не только с распространением *enktesis*, но и с наличием хоры⁸⁸.

⁸³ Материал о состоятельных афинских семьях на протяжении нескольких столетий собран в книге J. K. Davies, *Athenian Propertied Families*, 600—300 B. C., Oxf., 1971.

⁸⁴ Ср. S. Lauffer, *Prosopographische Bemerkungen zu den attischen Grubenpachtlisten*, «Historia», VI (1957), 3, стр. 287—305.

⁸⁵ См., например, Lys., XVII, 2; XXXII, 6, 14; Aesch., 1, 100; Dem., XXXII, 9; XXXVIII, 7; XLIX, 53; L, 17; Isaе, VIII, 35; XI, 42.

⁸⁶ Ср. И. С. Свенцицкая, *Земельные владения эллинистических полисов Малой Азии*, ВДИ, 1960, № 3, стр. 88—105; А. Г. Периханян, *Храмовые объединения Малой Азии и Армении*, М., 1959, стр. 145 сл.

⁸⁷ Ср. И. С. Свенцицкая, *Разрушение гражданского коллектива и полисной собственности в провинции Азия*, ВДИ, 1969, № 3, стр. 130, 140.

⁸⁸ В афинских декретах о предоставлении гражданских прав не оговаривалось право *enktesis*. Оно само собой подразумевалось формулой включения нового гражданина в филу, дем, фратрию. Ср. Paoли, *Studi di diritto Attico*, стр. 286. В эллинисти-

Судьба эллинистических полисов определялась, разумеется, не только процессами, происходившими в них самих, но и политикой более обширных государств, куда они включались, или так или иначе были с ними связаны. Международные отношения, войны, сложная социально-политическая структура — все это отражалось на эволюции эллинистических полисов⁸⁹.

В составе римской империи эти полисы претерпевают новые изменения, теряя и самоуправление и характер полноправного гражданского коллектива. Работы советских и зарубежных исследователей показывают сложные структурные изменения в полисах эллинистической и римской эпохи⁹⁰.

В задачу данной статьи не входит, разумеется, сколько-нибудь детальное рассмотрение процессов, происходивших в римской республике и эллинистических государствах в связи с кризисными явлениями в полисной социальной и политической организации. Материал о классическом греческом, прежде всего афинском, полисе привлечен здесь лишь в той мере, какая представляется необходимой, чтобы подчеркнуть специфические черты кризиса классического греческого полиса в отличие от других социальных и политических структур, имеющих основание по ряду других признаков быть отнесенными к одной и той же широкой и многообразной категории — полису.

THE SPECIFICA OF THE CLASSICAL GREEK POLIS AND THE PROBLEM OF ITS CRISIS

by *L. M. Glushina*

To regard the crisis of the Roman Republic as an example of polis-crisis, to find the crisis phenomena of IV—III century Greece comparable with developments in II—I century Rome, to apply the polis-crisis concept to the cities of the Hellenistic world is an approach that is in some measure justified by the fact that these structures have features in common, for example: the ancient forms of property in land and in slaves, a characteristic organisation of the citizen collective and governmental system. Such an approach, however, tends to push into the background very significant differences in which lie the specifica of the historical process in these societies.

Only by bringing out these differences can the complicated and hitherto inadequately investigated problem of the «crisis of the polis» be solved. The abundant material provided by the Athenian example makes a good starting point. Unlike the situation in later Roman Republic, in IV century Athens there was not so wide a spread of slave labour into all sectors of the economy as to create a threat to a land- and work-hungry population. The data on the employment of labour in state building enterprises show, on the contra-

ческих же полисах, наряду с политией, даруется и право *enktesis*. См. П. С. С в е н ц и к а я, К вопросу о гражданских и имущественных правах в эллинистических полисах Малой Азии, ВДИ, 1966, № 2, стр. 46 сл.; ср. о н а ж е, Разрушение гражданского коллектива ..., стр. 134.

⁸⁹ Недавно опубликованные надписи из святилища Зевса Лабраундского в Карию дают интересный дополнительный материал о положении городов и связанных с ними святилищ в обстановке дипломатической и военной борьбы эллинистических монархий за влияние в этом районе. См. Labraunda. III. I. The Greek inscriptions, Part I, by J. Crampa, Lund, 1969; ср. Н. В е н г с т о н, Die Inschriften von Labraunda und die Politik des Antigonos Dason, Sitzungsber. Bayer. Akad. d. Wiss. Philos.—hist. Kl., Ht. 3, München, 1971.

⁹⁰ Ср. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 143—146; С в е н ц и к а я, Разрушение гражданского коллектива..., стр. 130—141; В. Т а р н, Эллинистическая цивилизация, М., 1949, стр. 142—156, 162—166.

ry, that Athenians were not much interested in earnings of this sort. Redivision of land and cancellation of debts were not the burning issues in IV—III century Athens that they were in II—I century Rome. In respect to the exclusiveness and insulation of the citizen body Athens also differed from Rome: in Athens this was maintained throughout the period of independence, whereas in Rome the citizen body grew steadily as a result of grants civic rights to individuals and groups and the absorption into the citizenry of emancipated slaves.

The crisis of the Roman Republic developed in connection with, and against a background of, military advances and an influx of wealth from outside. The crisis of the Greek polis was connected with progressive military weakness which made a policy of expansion, impracticable. The ideological reflection of the crisis differed accordingly: in Rome, theories justifying a powerful state; in Greece, anti-polis, antistate ideas. The classical Greek polis, unlike Rome, had no perspective of development through changes in political forms.

In Greece there were no stable sources of state income which might secure the financial needs of the polis — no permanent direct taxation, *χώρα*, state enterprises. In its period of crisis the Greek polis ceased to be the *sine qua non* of existence for certain groups among its citizens. The crisis of the Greek polis was not accompanied by economic decline. On the contrary, commodity-money relations, domestic and foreign trade, reached a peak of activity just at this time, and the overall volume of wealth increased. But with the growth of individual incomes, or the stability of private fortunes, the financial condition of the state worsened, and the gulf between public and private interests widened. The classical polis had got into a blind alley. With the Hellenistic cities of the Near East and Rome things went differently. The former adopted local forms of exploitation and developed within (or in conjunction with) the system of Hellenistic states. As to Rome it became an empire.